

"Одиночество — это действительно при всех его огромных преимуществах паршивая вещь".
А. и Б. СТРУГАЦКИЕ

"КАНАРЕЕЧНЫЕ шаровары, заправленные в лакированные сапоги, сиреневая атласная распахнутая, клетчатый кар্তুз. Всё в порядке, не хватает только очков. Каких только очков не было для него придумано! — писал в 1979 году об Элтоне Джоне советский (а ныне — я затрудняюсь сказать, какой именно) музыкальный критик Артемий Троицкий в в серьёзном журнале "Музыкальная жизнь", позволявшем себе, тем не менее, рок-просвещение молодёжи под эгидой брежневского агитпропа. "Несколько однообразные баллады Элтона Джона я не назвал бы "откровением" (хотя многие песни в общем мелодичны и красивы), но в исполнительской манере его неразрывно сплетены патетика, юмор, депрессия. Как подлинно одарённый артист он поднимается выше исполняемого материала", — убеждал Троицкий, и мы точно знали, что не вся музыка у них "там" — какофония, тлен, дрянь и разложение.

В этом году исполнилось сорок лет памятного туру, когда по приглашению Госконцерта Элтон Джон дал четыре концерта в ленинградском "Большом концертном зале Октябрьский" и в московском ГЦКЗ "Россия". Было и пространное интервью для ЦТ СССР, когда певца, в частности, спросили: к чему он эпатирует публику беспредельными нарядками? Застенчивый от природы (и забытый своими жестокосердными родителями!) англичанин ответил приблизительно так: "Мне в детстве навязывали определённый стиль одежды, и вот теперь я ношу то, что хочу". Внешний вид артиста порицали всегда: "Элтон Джон начал с попытки найти своё собственное лицо. Человек, без сомнения наделённый талантом, он хотел в творчестве оставаться самим собой. Но выжить в сфере шоу-бизнеса можно только на гребне успеха — успеха любой ценой. И трезвый

коммерческий расчёт заставил его обратиться к вульгарному шутовству, которое он эксплуатирует ныне в хвост и в гриву. Только вот не уходит ли от Элтона Джона талант? Не занимается ли он обычной дешёвой распродажей?" — журнал "Ровесник" ещё в 1975 году перепечатал остро критическую статью американской журналистки Маргарет Ингхэм.

Однако же к Элтону в СССР относились лояльно — притом на официальном уровне, а юношеская газета-рупор "Комсомольская правда" констатировала: "Стиль Элтона Джона отмечен весёлой оригинальностью, даже экзальтированностью. Одним этот стиль нравится, другие находят в нём излишек баловства. Его способность — умение пародировать порой чрезмерную серьёзность, с какой воспринимает себя мир рокн-ролла". Элтон признавался репортёру газеты "Советская культура", что "...публика поразила меня своей отзывчивостью, высокой музыкальной подготовленностью. И в Москве, и в Ленинграде зал тепло встречал хорошо знакомые мелодии и с интересом знакомился с новыми. Я объездил едва ли не весь мир, и, по-моему, три самых красивых города на земле — это Париж, Рим и Ленинград".

Кроме того, сохранилась любительская запись спонтанного мини-шоу в одном из ресторанов, где звёздный гастролёр сыграл для ужинавших совет people. Одним из итогов визита стал диск "Поёт Элтон Джон", выпущенный по лицензии фирмой "Мелодия". Да, и ещё гибкая пластиночка, где на одной стороне поместились две песни Джона — меланхолическая "Yellow Brick Road" и динамичный "Crocodile Rock", перевёрнутый, как "Крокодил-ритм", а на другой стороне — почему-то был Александр Градский с группой "Смокингс".

Примечательно, что фильм-биография "Рокетмен" (режиссёр Декстер Флетчер) вышел в российский прокат 6 июня (в Англии и США — чуть раньше), тогда как московско-питерские концерты 1979 года проходили в самом конце мая — начале июня. Изумительное совпадение! Правда,

ЧУДО В ПЕРЬЯХ

Элтон Джон и фильм «Рокетмен»

в полуфантазийном сюжете, больше напоминающем старые мюзиклы, факт русских гастролей никак не был отмечен. Всё вертится вокруг психотравм Элтона, вернее — Реджи Уаетта, как звали суперзвезду по паспорту. Начало фильма: визит шомена к психологу, в группу анонимных алкоголиков, шопоголиков и наркоманов, как это модно в странах Запада. Певец врывается на собрание потерянно-опустошённых людей и шумно устраивается на стульчике — помещение явно мало для костюма с бешеными красными крыльями.

Валлийский актёр Тэрон Эджерон, выбранный из множества претендентов, намного краше, приятнее реального Элтона Джона, хотя, по задумке авторов, тотальное сходство не было так уж важно. Кроме этого, Эджерон исполняет композиции своим голосом, а не тупо разевает рот в нужных местах под чужую фонограмму. Лицедействует он — тонко и нервно, как и положено в данном случае. Что в кадре?

Психолог просит рассказать о детстве, и нас перемещают в унылое британское захолустье 1950-х, где люди пытаются хоть как-то выжить (напомню, что в Англии продукты карточки отменили позже, чем в СССР). Перед нами взбалмошная, распутная мать и безучастный отец, а ещё — добрая бабушка, пытающаяся возместить недостаток тепла в этом плохо устроенном и каком-то кривом семействе. Отлично снят фрагмент, где все домочадцы поют хит "I Want Love" — каждый требует любви, но не умеет её давать окружающим. Вообще, фильм выстроен, как мега-клип с песнями Джона, что создаёт ощущение праздника и драйва, несмотря на драматическую фабулу. Ещё более шикарная сцена вхождения подростка в мир рокн-

ролла и тусовок под музыку "Saturday Night's Alright For Fighting". Яркое танцевальное действо на улицах и в клубах, драки в пабе с выбиванием окна, колыбани с девушками в задирающихся юбках и — буйная атмосфера 1960-х. "После 1968 года молодёжь Запада овладевает сомнением в собственных силах, и неверие в институты буржуазной демократии. И в жизни и в музыке молодежных рок-ансамблей, творчество которых "бунтари" 60-х взяли на вооружение, эти настроения отразились с особой остротой. И вот тут-то очень кстати оказались трогательные баллады Элтона Джона — разочарованного, сардонически улыбающегося молодого человека", — менторски отмечал искусствовед Дмитрий Ухов в журнале "Мелодия" за март 1981 года.

Но вернёмся в кинозал! Показаны краугольные вехи: раскрытие таланта, учёба в Королевской Консерватории, участие в группе Bluesology, встреча с поэтом Берни Топином, первые триумфы, мировая слава и — осознание трогательности. Отсюда — чудачества, прыжки у рояля и над роялем, разноцветные кепи, портки со стразами и шлямы с перьями. "Однажды Элтон объяснил это тем, что в детстве он не всегда чувствовал себя счастливым: "Вот почему, думаю, я так веду себя на сцене, почему надеваю смехотворные костюмы. Я пытаюсь возместить все игры, которые упустил, когда был ребёнком", — объясняла газета "Комсомольская правда" всё в том же 1979 году, пытаясь понять странного парня.

Основной и огромный минус кинокартины — её вторичность. Это практическая копия с "Богемской распосиди" (2018) — там Декстер Флетчер был вторым режиссёром,

точнее, в определённый момент он заменил Брайана Сингера. Посему ничего нет удивительного в том, что общий смысл и все акценты — ровно те же, что в байопике о Фредди Меркьюри. Так, название Rocketman, как и Bohemian Rhapsody, — взято из послужного описки; трудное детство, переходящее в томительную юность. Талант! Зажигательные и опустошающие вечеринки, ссора с верными людьми и — привязанность к дельцу-подонку, невозможность семейной гармонии даже с хорошей, мягкойсердечной женщиной. Всё повторено. Ряд сцен — один в один, что говорит о творческой пробуксовке или — о создании постмодерн-жанра "фантази-ретро-рок". Не удивлюсь, если через год появится сказочная феерия про Дэвида Боуи, Мика Джаггера, Оззи Осборна или кого-то ещё — с тем же набором броских деталей, смехивающих на конструктор "Лего". Поменяй сопровождающие хиты — и готово дело. Общие впечатление от "Рокетмена", да и от "Богемской распосиди": "богатыри — не вы", как сказал поэт Михаил Лермонтов, хоть и по иному поводу. Но сейчас и таких не делают, а потому надо искать бриллианты в славном прошлом. Это общий посыл 2010-х — реанимировать легенды, подновлять стариков — например, снимать "Терминатор-6" с железным пенсионером Ари Шварценегером, истово рыться в потрёпанных комиксах. Никому не хочется "творить, выдумывать, пробовать", как сказал уже другой поэт, Владимир Маяковский. Всё уже сотворено и отлито в бронзе (или в чём оно там отлитого?)

Но, помимо песен Джона и приличной игры Тэрона Эджерона, в фильме есть и другие плюсы. Главная мысль, транслируемая в ленте, — банальна, как всё гениальное: надо любить своих детей, потому что никакое обожание толп не заменит отцовского рукопожатия и материнской ласки. Нам явили, что кумир, тусовщик и богач — до ужаса несчастен. Одинокое чудо в перьях. Сидит и плачет. Песня "Rocket Man", давшая название фильму, — тоже о

бесприютности: "It's lonely out in space / On such a timeless flight". Элтон показан, как человек, мёрзнувший в некоем бескрайнем "космосе". Чудовищная сцена: рок-звезда приезжает в гости к пожилому отцу, давно имеющему другую семью. И снова — холод. И равнодушные слова: "Я не твой фанат, подлиши диск моему коллеге".

Есть такой циничный анекдот: "Если у тебя есть личный самолёт, но в детстве не было велосипеда, то всё равно — у тебя в детстве не было велосипеда!" Философия проста: наши детские потери и обиды нигде не исчезают. Отвергаемый ребёнок навсегда остаётся парией, даже если ему в итоге начинают поклоняться ширинармассы. "Тебя никто и никогда не будет любить", — чеканит эффектная мамаша. Её достославный мальчик получилась "так себе". Пронзительный кадр — взрослый Элтон Джон обнимает себя-маленького, толстоватого лгузера Реджи Уаетта. В современной психологии есть такой приём — согрей своего внутреннего ребёнка, "сгоняй" мысленно в детство, дай понять себе, что ты — нужен и важен.

В финальных титрах — оптимистический рассказ о том, что певец долгие годы не пьёт и не притрагивается к "веществам", оставаясь, увы, шопоголиком, но страсть к шотткам — это ведь не настолько страшно, как 'a couple of vodka and topics' из его песни про жёлтую кирпичную дорогу. Но есть нюанс — авторы, следуя лживой идее "толерантности", сделали упор на другое: мол, певец перестал быть изгоем-одиночкой, поскольку нашёл себе "мужа" и создал семью. Нам вещают и поют: ребята, главное — отыскать любовь, а уж в какие цвета она раскрашена — не столь критично. А оно критично. Давно критично. Устраивая извращённый вариант "счастья", человечество не находит путей, а упирается в тулип. Элтон Джон — по-прежнему в перьях и по-прежнему душа не на месте. И у всех здоровых людей есть ответ на вопрос: "Почему?!"

Галина ИВАНКИНА

"...Разрушается всё, медленно и неумолимо. Я ощущаю не столько величие прошлого, сколько то, что оно проходило. Разрушение и тлен под утомительно красивой оболочкой, смерть унесла в прекрасном теле и гложет его изнутри, чтоб оставить один скелет".

Богомил РАЙНОВ, "Нет ничего лучше плохой погоды", 1968

ВСЁ РАЗРУШАЕТСЯ, всё проходит. Империи, мирская слава, жизнь. Сейчас имя Богомила Райнова помнят разве что те, "кому далеко за". Правда, помнят практически всё: книги болгарского писателя регулярно издавались в СССР и на всём пространстве, контролировавшемся ушедшей под воду империей. Тиражи были не запредельны, но изрядны, и всё равно всем не хватало — Впрочем, в самой читающей стране всегда чего-то не хватало, поскольку потребности, как это свойственно человеку, всегда обгоняют возможности.

Впрочем, работа писателей на разведку — дело обычное. Достаточно вспомнить славные имена Михаила Кольцова, Сомерсета Мозма, Редьярда Киплинга или Яна Флеминга, с которым, кстати, Райнов будут сравнивать всегда.

Вернувшись "с холода", Райнов, казалось бы, возвращается к прежней жизни.

Он занимается функционерской работой в Союзе писателей Болгарии, читает лекции по искусствоведению в Софийском университете — на той же кафедре, что и его отец, активно работает как публицист, защищая методики советского реализма и беспощадно громя творческих и идейных противников — диссиденты не раз ему припомнят это после распада социалистической системы. Публично критикует, как буржуазные, творческие методы собственного отца, что теперь иногда трактуется как отречение от него, в прямом, библейском смысле.

В 1963 году Райнов неожиданно для всех выпускает исследование жизни и работы Франса Мазереля, бельгийского художника, представителя ле-

можно нам, хотя бы иногда, каких-нибудь джеймсбондов и эркойлепуаро?

И Райнов, который начал работать в модном в шестидесятых "шпионском" жанре, уже хорошо освоенном Флемингом, пришёлся и ко времени, и ко двору.

Разведчик Эмиль Боев, главный герой шпионского цикла, — это, конечно, вариация на тему Джеймса Бонда, с которым его сразу же начали сравнивать. Они во многом похожи, да и сама идея Боева выбрана не случайно, как сразу видно, это постмодернистский привет Бонду. Стильный, спокойный, всегда чётко действующий, идейно выверенный и профессионально подготовленный Боев — тоже супергерой. Но он и отличается от Бонда: тот одномомент, не умеет рефлексировать и размышлять, неуязвим и непобедим, может одним махом семерых побивахом, но при этом у него в кармашке даже платочек не поместится.

Бонд — комикс, потому он и стал таким нарицательным образом для персонажей из pocketбуков;

ты, стала крупнейшим собранием западной живописи и графики, находившемся в социалистические времена в частных руках...

Книги, сценарии, лекции, статьи, искусствоведческая и консультационная занятость, партийная работа, две книги мемуаров (опубликованных, правда, лишь посмертно), а также любимое коллекционирование: жизнь Райнова полна и счастлива.

Но... *"Разрушается всё, медленно и неумолимо... Я ощущаю не столько величие прошлого, сколько то, что оно проходило."*

Конец советской системы обрушил такой незыблемый монумент, которым к концу 80-х годов был Богомил Райнов. Компартия была отменена. Все схемы планового книгоиздания — разрушены в угоду свободному рынку. Искусство потеряло свою значимость, искусствоведы были выброшены на свалку истории.

Настали новые времена. И новая жизнь для Богомила Райнова.

Да, пришлось ограничить траты. Да, пришлось распродавать картины. Да, пришлось работать в качестве консультанта с "новыми богарами" — нуворишами, разбогатевшими на развале страны и кинувшимися собирать собственные коллекции картин и ценных предметов...

ЭТОТ ПЕРИОД описан Райновым в девятом, заключительном романе об Эмиле Боеве, который носит горькое название "Агент, бывший в употреблении" (*Ченге втора употреба, 2000*).

Боев — в котором мы всегда подозревали Райнова, не так ли? — оказывается выброшен на свалку истории, как и его создатель. Всё, за что он боролся, разворовано, распродано, разрушено, позабыто. В общем, всё, что ему остаётся — это ждать смерти, а ждать... Ждать, как не раз говорит о себе Боев, — это то, что он умеет лучше всего.

В очередной раз оставшийся в одиночестве Эмиль Боев — который, конечно, Райнов — задаётся вопросом: зачем всё это было? Зачем — вся эта отчаянная самоотверженная борьба на стенах крепости, которая в итоге была сдана врагу собственным командованием, открывшим настежь ворота? Зачем — защита идеологии, которая была без сомнений отринута тем самым народом, в интересах которого была создана? Зачем — создание и

СЕМЬ ЖИЗНЕЙ БОГОМИЛА РАЙНОВА

К 100-летию со дня рождения

Два знаменитых цикла: "шпионский", романы которого объединены фигурой секретного агента Эмиля Боева и "полицейский", о меланхолическом инспекторе УГоРо Петре Антонове, — и сделали имя Богомилу Райнову, прожившему несколько разных жизней и сейчас проживающему последнюю, посмертную.

Именно как автор этих романов, жанр которых принято относить к лёгким, Райнов и останется в людской памяти. По крайней мере, пока что остаётся, потому что новые поколения его уже не читают. Новые поколения вообще особо не читают, потому что всё проходит... Но об этом мы, кажется, уже говорили.

Но на самом деле Райнов — не просто "детектив-цикл". Его фигура неизмеримо крупнее. Интеллектуал, культуролог, поэт, написавший три книги стихов, литературовед, автор ряда исследований массовой культуры, в том числе — феномена детектива и шпионского триллера, а также неумоимый коллекционер. Кстати, его захватывающая сильнее иного триллера книга о собирательстве "Это удивительное ремесло" на русский язык была переведена аж два раза.

Он — представитель поколения титанов, которые, прожив несколько жизней, одну за другой, сумели на их протяжении всё приобрести... и всё потерять.

Детство Райнова прошло, по его воспоминаниям, "и на улице, и в кабинете отца". Книжный мальчик, без особого разбора "проглатывавший" тома по различным дисциплинам — а библиотекка его отца, философа, поэта, искусствоведа и художника Николая Райнова, была превосходна и избыточна, параллельно — он жил бурной жизнью нищей улицы, неполноценной мальчишескими драками, приключениями и вольнодумством.

Эта по-своему насыщенная жизнь завершилась поступлением на философский факультет Софийского университета, где юный Богомил, богемный поэт-анархист, уже публикует первые стихи.

По окончании университета Райнов идёт по стопам отца, читая в университете лекции об эстетике, выступает как литературный критик, публикует несколько великолепных поэтических сборников... Будучи беспартийным, сотрудничает с болгарскими коммунистами и другими левыми организациями, принимая участие, в том числе, и в уличных столкновениях, а войну встречает уже сформировавшимся антифашистом.

Это новая жизнь, ставки в которой совершенно иные.

Активный участник подполья, связанной антифашистской группы, при этом открыто — и, пожалуй, неразумно — браврирующий своим диссидентством, он чудом избегает ареста, а в 1944 году, сразу же после освобождения страны от пиллеровцев, вступает в Коммунистическую Партию Болгарии.

Чем занимался Райнов сразу после войны — те десять лет послевоенного строительства, до смерти Сталина и нового переустройства социалистического лагеря, известно мало. Вероятно, это была функционерская и организационная работа, совмещаемая с чтением лекций и продолжением образования. И, скорее всего, именно в этот период с Райновым налаживаются контакты вновь созданные секретные службы Болгарии, в которых у него было, конечно, множество знакомых по предвоенной борьбе и по подпольной работе.

В итоге, в 1953 году Райнова отправляют за границу — и не куда-нибудь, а в Париж, где он занимает странную должность "пресс-атташе по культурным связям".

Эти загадочные семь лет заграничной работы (1953-1960), с неуточнённым кругом обязанностей и свободой перемещения по Европе с дипломатическим паспортом в кармане, — и дают, вероятно, материалы для создания "шпионского" цикла.

Понятно, что помимо культурных связей Райнов занимался в Европе и выполнением различных дополнительных заданий, а также координацией и обеспечением секретных операций.

Косвенно это доказываются тем, что уже через семь лет после "отъезда", в 1967 году, вчерашний искусствовед, поэт и философ издаёт первый роман шпионского цикла, демонстрируя удивительно осведомлённость в вопросах "тайной войны".

Скорее всего, книга была написана раньше, но вышла с некоторым временным лагом, чтобы не осветить раньше времени моменты, не нуждающиеся в преждевременном освещении.

вого экспрессионизма. А на следующий год, в 1964-м, так же внезапно издаёт ставшую знаменитой "Инспектор и Ночь" — первую книгу своего "полицейского" цикла, который продолжится в 1967-м романом "Человек возвращается из прошлого", а в 1969-м — "Бразильской мелодией".

И для него — в который раз! — опять начинается новая жизнь. На этот раз — самая успешная, которая принесёт ему им славу и богатство, — жизнь писателя книг условно "лёгкого" жанра, которые, если присмотреться, являются не совсем тем, за что себя выдают.

Весь полицейский цикл "Три встречи с инспектором" — это, конечно, классический нуар, но не в узком понимании этого термина. Изначально нуар — это, конечно, Америка времён сухого закона, крепкие парни с бульдожьими челюстями, спрятанные под полами плаща томми-ганы и шершавый сигаретный дым, терпко пропитывающий всё повествование. Но, как это ни странно, интеллектуальная проза довоенной и послевоенной Европы многое почерпнула оттуда, привнеса в европейский декаданс американскую энергичность. Райнов, хорошо знающий как жёсткий американский нуар-детектив, так и европейскую психологическую прозу, находит свой стиль повествования и своего героя на стыке двух жанров.

Неспешный, неяркий, порой даже нарочито блеклый, задумчивый, меланхоличный, с нотками декадентской иронии по отношению к миру, людям и к самому себе, рассказчику, и — какой-то отрешённости. Постоянно идущий дождь, клубы сигаретного дыма, неверный свет призрачных фонарей, надвинутые на глаза шляпы, стильно поднятые воротники плащей-регланов и стоическая безысходность: в прозе Райнова чувствуется запах сигар Хемингуэя, вкус кальвадоса Ремарка, романтизм Гессе и параноидальность Пруста, но всё это условно приземлено формально соцреалистическим методом письма.

Эта "пограничность", по сути, и обеспечила бесперебойный успех романов Райнова.

А в 1967 году выходит знаменитый "Господин Никто".

Начались годы триумфа. Шпионские романы Райнова — а всего в советское время их было написано семь — оказались непохожи на всё, что до того хранилось в заповеднике социалистической прозы. С одной стороны, это были произведения социалистического автора, — но сам автор при этом был неподдельным европейским писателем, сохраняющим европейский стиль "из первых рук". Это были романы, принадлежащие к "низкому жанру", который уже хорошо был освоен и профессионалами, и любителями, но в данном случае рассказчиком выступал человек, который знал Европу отнюдь не по глобусу, сам виден всё, о чём писал, — и даже участвовал в этом, хотя прямо о том нигде и не говорилась. А ещё — повествование шло от первого лица, что заставляло порой принимать эти книги за мемуары, и вполне вероятно, что так оно — частично — и было.

Этого мы никогда уже не узнаем...

Текст был написан маститым литературным функционером — но одновременно и разведчиком. Это был литературовед, знаток канонов шпионского и полицейского романа, но это был и тонкий мыслитель, умеющий создавать уникальные повествования на стыках одномоментного боевика, классического нуара, философской драмы. А самое главное, при всей необходимости политической ангажированности этих романов, они не были скучными.

Потому что — сюжеты.

Остросюжетность, в принципе, не очень приветствовалась в послевоенном социалистическом лагере. Такие работы расценивались как поверхностные и развлекательные, тогда как произведения советской литературы должны были освещать жизнь простых советских людей, отвечать на их насущные вопросы и нести в себе актуальный воспитательный и, конечно же, политический заряд. Всякая "бусенаровщина" и "майридовщина" считалась буржуазной мишурой, отвлекающей людей от борьбы и развития, а потому, в общем-то, не приветствовалась.

Однако народ желал развлекаться. Он, как всегда, хотел именно мишуры и отвлечения от жизненных проблем. Он хотел детективов, фантастики и шпионов. Произведения про борьбу за план химического завода — это хорошо, — как бы цеделл сквозь зубы советский читатель, — но

Боев — не таков. Боев может ошибаться, его могут обмануть и подставить, он уязвим и много размышляет — собственно, размышлений в романах о Боеве намного больше, чем действия. Боев, хотя в каждом романе, как и Бонд, он выпивает, дерётся и спит с роковыми красавицами, — все-таки не Бонд. Он, в первую очередь, — интеллектурал, а не драчун. Рыцарь, а не шпион. Философ, а не стрелок. И хотя драться и стрелять он умеет, в нём — и в романах о нём — не это главное...

СЕГОДНЯ, КОНЕЧНО, читать романы о Боеве уже сложно. Они слишком неспешны, слишком многословны, слишком затянuty. Сейчас это уже скорее интеллектуальная литература, нежели развлекательная, — тем более, что главный герой, от лица которого и ведётся повествование, склонен к меланхолии, философствованию и мягкой самоиронии, а в современном мире, до краёв набитом мускулистыми супергероями без страха и упрека, это выглядит странноовато... Но вернёмся в прошлое.

Тотальная успешность романов Райнова объясняется не только литературными достоинствами его книг — а они неоспоримы, — но, конечно, и его врожденностью во власть. Райнов сделал очень хорошую карьеру и удержался в седле при всех резких поворотах и сменах курса, которым была так богата послевоенная история социализма. Близкий друг и бессменный заместитель председателя Союза болгарских писателей (которому нынче 106 лет). Многолетний член ЦК Болгарской Коммунистической Партии. Один из столпов соцреализма в Болгарии.

Райнов был в своей маленькой провинциальной стране чем-то средним между Фадеевым и Фединым: правоверными коммунистами, убеждёнными соцреалистами и надёжными функционерами, бестрепетно проводящими линию партии в среде мятущейся писательской богемы, — и имевшим колоду карт-бланшей Юлианом Семёновым, династически встроенным как в политические круги, так и в круги спецслужб.

В 1969 году Райнов за роман "Господин Никто" даже получает Димитровскую премию, аналог Сталинской, — это единственный случай, когда премия такого уровня дали условно "шпионскому" роману.

Однако Райнов не был бы самим собой, если бы почивал на лаврах своего "шпионского" успеха. Хотя романы о Боеве (и продажа прав на экранизации) приносили ему серьёзный доход, отчего одни вносили им в кассу КПБ различные взносы были больше, чем зарплата у некоторых людей, Райнов не останавливался.

Параллельно он работал и в серьёзной, не развлекательной литературе. Его книги "Чёрные Лебеди" и "Третий Путь" (1977), прекрасная повесть "Только для мужчин" (1979), сборники рассказов "Юнгфрау" и "Моя незнакомка" — это замечательные образцы интеллектуальной психологической европейской прозы семидесятых годов прошлого века.

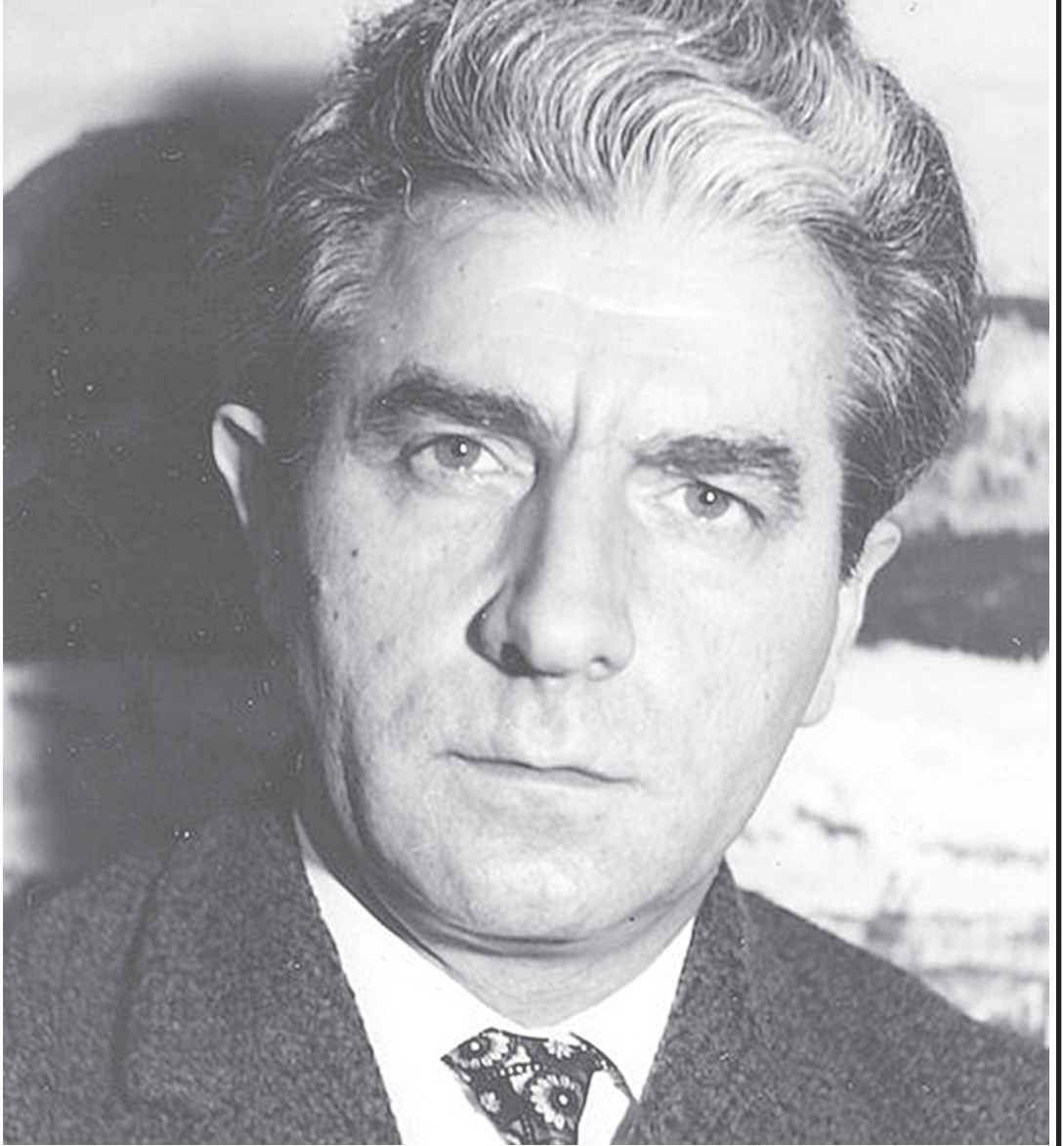
Блестящее исследование жанровой литературы "Чёрный роман" (1970) и жизнеописание Николая Рериха (1978) показывают нам высочайший уровень Райнова как литературоведа, историка и биографа. Огромное количество искусствоведческих статей и лекции — как специалиста по художественному творчеству различных направлений. А гимн коллекционированию "Странное это ремесло" (1980) — как увлекającego, страстного, живого человека, безоплядно и отчаянно влюблённого в искусство.

Кстати, коллекция картин, которую писатель начал собирать ещё в Париже в середине пятидеся-

"Мне хотелось завершить эту историю благополучным финалом — не обязательно счастливым (где мне его взять!), а хотя бы каким-нибудь символическим лучом надежды. Я имею в виду не светлое будущее, которым нас, несмотря ни на что, продолжают прельщать политики, а какое-нибудь, пусть самое незначительное, событие, доказывающее, что Возмездие существует и что, согласно изречённому, каждому воздастся по делам его. Хотелось, но не получилось.

Но я испытываю какое-то умиротворяющее чувство единения с людьми из прошлого, рядом с которыми прошла жизнь. И почему — из прошлого? Эти люди и сейчас со мной. И почему — только они?.. Ведь не они одни со мной — со мной много других: так много, что их лиц по отдельности уже и не различить; так много, что вместе мы сливаемся в целую армию — армию людей, отдавших всё и не получивших взамен ничего; людей, отчаянно шедших к цели, хотя и предчувствовавших, что до цели этой не удастся.

Да, нас целая армия. Самая крупная, самая многочисленная, хотя о ней и не принято вспоминать, поскольку сказано ведь: "Горе побеждённым!" Но это —

Он оказался в забвении и изоляции. Лауреат Димитровской премии, Народный и Заслуженный деятель культуры Болгарии, Герой Труда, кавалер трёх национальных орденов стал не нужен своей стране — точнее, тем людям, которые пришли в этой стране к власти.

Его больше не печатали. Его больше не приглашали читать лекции. Идеальные неприятели, внезапно оказавшиеся на коне, смешивали его имя с грязью, припоминая давнишние счёты. Впрочем, все, что помнит перестройку и "очищенную" вакханалию тогдашней прессы, может представить, себе ситуацию, в которой оказался бывший бонза.

Человека более слабого такое сокрушительное падение могло бы уничтожить.

Но не Райнова.

Последовательный стоик, готовый принять всё, что ему предложит судьба, он, проклинаяем, преданный, забытый, лишённый средств к существованию и возможности даже выступать в свою защиту, наблюдающий крушение империи, которой служил всю свою жизнь, видящий уничтожение всех ценностей, которые разделял и он сам и его герои, он... всё же не сдался.

охрана богатств, которые в итоге упали в руки бандитов и предателей?..

Но я не стану пересказывать сюжет этой последней книги, грустной и жёсткой, словно морская соль. Книги, в которой оставшийся в одиночестве Райнов, с присущей ему безупречной выдержкой, подводит итог своей жизни.

Просто — всё заканчивается. Всё разрушается, медленно и неумолимо. Прошлое велико, но всё переходящее. Смерть негздится в любом прекрасном теле и гложет его изнутри...

Богомил Райнов, спокойно, аккуратно, с фирменным педантизмом завершив жизнь Эмиля Боева, своего самого известного героя, (и самого известного литературного болгарина), умирает у себя дома, в любимой Софии, 8 июня 2007 года, в возрасте 87 лет.

В сумом и кратком соболевновании Союза болгарских писателей говорилось, что "Богомил Райнов был одним из крупнейших болгарских интеллектуалов — боаатая, сложная, драматическая личность, творческая фигура которого не имеет аналогов в нашей культуре".

Вис ВИТАЛИС

моя армия, многомиллионная армия обречённых и разувверившихся, угнетённых и ограбленных, бесправных и обездоленных людей, единственное предназначение которых, как считается, — служить навозом для Истории. Месивом из растоптанных существ, замешанном на слезах; месивом, над которым стоит гул от слившегося воедино рыдания вдов, стенания матерей, сдавленного детского плача и предсмертного стоа обречённых.

Куда бредёт эта толпа, идущая ощупью во мрак — без идеи, без знамени, без вождя? Куда идут эти люди, вся идея которых — кусок хлеба, зная — ломать, а вождь — нищий Христос? Откуда мне знать... Но, исчерпав всё возможное, человеку не остаётся ничего другого, как только поверить в невозможное и продолжить путь.

Обречённая миссия. А может, и обречённая борьба. Но ведь кто-то же должен бороться за несчастное человечество, неспособное даже дать ребёнку кусок тёплого хлеба".

Богомил РАЙНОВ, "Агент, бывший в употреблении", 2000.